

**А. В. Соколов**

*Санкт-Петербургский институт культуры*

**Миражи. Россия. 2045.  
Библиофутурологическая лекция**

Проанализированы перспективы развития книжной коммуникации, библиотечного дела, библиографии в контексте футурологических концепций информационного общества, общества знаний, конвергентных технологий, трансгуманистической эволюции и посттехногенной гуманистической цивилизации. Определена потребность в библиофутурологии как научной дисциплины.

Лекция была впервые представлена на международной конференции «Крым–2015».

**Ключевые слова:** библиофутурология, книжная коммуникация, библиотечное дело, информационное общество, общество знаний, В. С. Стёпин.

---

UDC 002.2+02+316.77:004

**Arkady Sokolov**

*St. Petersburg State University of Culture and Arts, St. Petersburg, Russia*

**Mirages. Russia. 2045. Bibliofuturologic lecture**

The prospects for book communications, librarianship and bibliography are analyzed within the context of futurologic concepts of the information society, knowledge society, convergent technologies, transhumanistic evolution and postindustrial humanistic civilization are examined. The demand for bibliofuturologic studies is proved. (The lecture was first delivered at "Crimea-2015" International Conference. )

**Keywords:** bibliofuturology, book communication, library studies, book communication, librarianship, bibliography, information society, Vyacheslav Styomin, knowledge society.

---

Техногенная индустриальная цивилизация, расцвет которой пришёл на вторую половину прошлого века, не случайно именуется в западных странах «эпохой благоденствия» и «обществом потребления». Социальной реальностью стали высокая производительность труда, новые технологии и материалы, бытовой комфорт, продление жизни, расцвет науки и образования, всемирные информационные и транспортные системы и другие «чудеса техники».

Двадцатое столетие можно назвать *золотым веком* книжности, когда произошла «революция в мире книг» (Р. Эскарпи); с 1955 по 1990 г. объём ежегодной книжной продукции по количеству названий вырос в три с лишним раза (с 269 до 842 тыс.)<sup>1</sup>, а Россия имела репутацию «самой читающей страны мира».

Теперь ситуация иная. В мае 2014 г. ВЦИОМ провёл очередной всероссийский опрос, который показал: доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, составляет 36% (в 2009 г. – 27%); к услугам городской библиотеки прибегали 8% (в 2009 г. 10%). Налицо кризис книжного чтения и общедоступных библиотек в постсоветской России, который воспринимается как одно из проявлений дегуманизация и деградации нации.

Что нас ждёт в наступившем столетии? Сохранятся ли библиотеки и книжные магазины в России в середине XXI в.? В чём могут заключаться гарантии их существования? На эти вопросы должна была бы ответить *библиофутурология* – раздел футурологии, посвящённый будущему книжной коммуникации, библиотечного дела, библиографии, короче говоря, будущему *книжности*. Но библиофутурология – это научный мираж, который пока не обрёл осязаемые формы. Делать нечего, рискнём примерить библиофутурологическую мантию.

Прогнозирование постиндустриального будущего – неблагоприятное занятие. Поскольку поведение самоорганизующихся социальных систем спонтанно и беспрецедентно, а прогресс в области искусственных технологий непредсказуем, футурологи пришли к выводу о «принципиальной невозможности предсказания количественных и качественных перспектив развития человеческой цивилизации»<sup>2</sup>. В самом деле, 30 лет назад абсурдной казалась идея глобальной информационно-коммуникационной среды, созданной в наши дни с помощью технологий сетевой телекоммуникации и интернета. Тогда почему бы не допустить, что через три десятка лет Земля превратится в один гигантский компьютер, управляемый бессмертными провайдерами, никогда не читающими книг? Подобные допущения можно встретить в десятках прогнозов, фантазий, предсказаний, пророчеств, посвящённых чудесным метаморфозам ближайшего будущего. Как назвать эти плоды предвосхищения неведомой реальности: утопия? миф? абсурд? Мне кажется, точнее всего – мираж.

*Мираж* (фр. *mirage* – отражение), как известно, представляет собой

---

<sup>1</sup> Книга : энцикл. – М. : Большая рос. энцикл., 1999. – С. 5.

<sup>2</sup> Сергеев С. Ф. Наука и технология XXI века. Коммуникации и НБИКС-конвергенция // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – М. : Изд-во МБА, 2013. – С. 159.

оптическое явление в атмосфере, заключающееся в появлении у горизонта более-менее искажённых изображений отдалённых предметов (зданий, деревьев, оазисов и т.д.).

Футурологические проекты (фр. – футурибли), представляющие собой более-менее отчётливое описание будущих событий, аналогичны природным миражам, поскольку чудесным образом отражают то, что находится где-то за горизонтом времени. Метафорически называя футурибли «миражами», мы хотим подчеркнуть иллюзорность, недостоверность и вместе с тем – обманчивую привлекательность этих продуктов творческого воображения.

С будущим книжности связаны четыре типа футурологических миражей: миражи информационного общества; миражи общества знания; миражи конвергентных технологий и трансгуманистической эволюции; посттехногенные миражи.

Рассмотрим библиофутурологические аспекты миражей перечисленных типов.

### ***Информационное общество***

Массив публикаций (научных статей, монографий, сборников докладов, обзоров и т.д.), так или иначе связанных с информационным обществом (ИО), поистине необозрим. Сбивает с толку терминологический разнобой: мелькают наименования «сетевое общество», «киберобщество», «электронное общество», «цифровое общество», «постсовременность», «эпоха гибкой специализации», даже «общество плати за всё» (Винсент Моско, канадский философ).

По-разному понимается соотношение между понятиями «информационное общество», «постиндустриальное общество», «постэкономическое общество», «общество знаний», «общество постмодерна». Некоторые авторы, простоты ради, их отождествляют, другие доказывают, что ИО – первая стадия постиндустриального общества, третьи называют общество знаний высшей стадией постмодерна, четвертые считают, что Россия когда-нибудь достигнет кондиций ИО, пятые им возражают и т.д.

Споры между теоретиками ИО не всегда имеют академический характер, зачастую их стимулируют коммерческие расчёты транснациональных корпораций или политические интересы великих держав. Отечественные подходы к интерпретации ИО в постиндустриальном, синергетическом и постмодернистском контекстах подробно рассмотрены в статье О. Б. Скородумовой<sup>3</sup>.

По содержанию концепции ИО делятся на историософские и прогно-

---

<sup>3</sup> Скородумова О. Б. Отечественные подходы к интерпретации информационного общества: постиндустриалистская, синергетическая и постмодернистская парадигмы // Информ. гуманитар. портал «Знание. Понимание. Умение». – 2009. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Skorodumova/>

стические. Историчесофские исходят из глобального взгляда на историю человеческой цивилизации, а прогностические ограничиваются рассмотрением конкретного образа ИО. Прогностические, в свою очередь, в зависимости от стиля мышления их авторов, подразделяются на технократические, исходящие из принципа технократического детерминизма, и гуманистические, отдающие приоритет гуманистическим идеям<sup>4</sup>.

По целевой и читательской направленности различаются две интерпретации будущего ИО:

а) адресованная научной общественности *футурологическая интерпретация*, согласно которой ИО – это гипотеза о грядущем постиндустриальном состоянии нынешнего индустриального общества;

б) *рекламно-идеологическая интерпретация*, представляющая ИО в качестве места, где торжествуют просвещение, свободное творчество, социальная справедливость; нацелена на манипуляцию общественным сознанием в интересах рекламодателей (транснациональных корпораций) или государственной бюрократии<sup>5</sup>.

Глубокий и критический анализ сущности ИО осуществил И. Д. Тузовский в недавно изданной монографии, посвящённой проблематике ИО как социального проекта и научной концепции<sup>6</sup>.

Автор констатирует, что идея ИО является сегодня футурологическим проектом, крупнейшим среди всех политических и экономических проектов современности, который реализуется на государственном уровне в США, странах Евросоюза, Японии, Индии, России. Вместе с тем он характеризует эту идею как «самую большую мечту и самое большое научное заблуждение социологии и философии последних десятилетий».

Дело в том, что, по словам И. Д. Тузовского, «наиболее глубинным атрибутом постиндустриального информационного общества является его *техногенность*», которая сочетается с капиталистическими отношениями в глобальных масштабах. В этих условиях возможны только количественные, но не качественные изменения по сравнению с индустриальным капиталистическим обществом. Формирование техногенной инфосферы не гарантирует существенный прогресс в культуре, образовании, науке.

---

<sup>4</sup> Обзоры концепций информационного общества содержатся в книгах // Соколов А. В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. – СПб. : Алетей, 2012. – С. 167–230; Он же. Российские библиотеки в информационном обществе. – М. : Литера, 2012. – С. 115–207.

<sup>5</sup> Соколов А. В. Российские библиотеки в информационном обществе. – М. : Литера, 2012. – С. 246.

<sup>6</sup> Тузовский И. Д. Утопия-XXI: глобальный проект «Информационное общество» / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2014. – 389 с.; То же [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scipeople.ru/publication/120010/> (Дата обращения: 07.04.2015).

Автор с сожалением приходит к выводу: распространяемая в общественном сознании рекламно-идеологическая интерпретация грядущего процветающего ИО есть *мифотопия*, т.е. проект будущего, основанный на ложной предпосылке, что якобы возможно кардинальное улучшение жизни общества за счёт внедрения достижений ИКТ во все сферы социума. Техногенная информатизация не может облагодетельствовать человечество при сохранении нынешнего экономического и политического статус-кво.

Что касается современного российского общества, то И. Д. Тузовский называет три парадокса информатизации, которые не позволяют признать его нормальным ИО.

Первый парадокс: прогресс информационных технологий привёл к тому, что манипулятивные информационные практики развиваются опережающими темпами по отношению к практикам добросовестного информирования. Второй парадокс: современный человек оказался в ситуации информационной перегрузки, когда объёмы поступающей информации превышают его сенсорные и когнитивные способности. Третий парадокс: в образовательных программах гораздо большее внимание уделяется технической, а не гуманитарной стороне информационной культуры, из-за чего пользователи информации не способны оценить достоверность, правдивость получаемых сообщений. В итоге требовательный исследователь приходит к заключению, что «современное общество является квази (quasi) информационным обществом». Другими словами, футурологический проект ИО в нашей стране пока не состоялся, в общественном сознании бытует *мираж*, похожий (квази) на информационное общество.

Предложенный И. Т. Тузовским эпитет «квази» резонно распространить на российскую библиофутурологию. Перспективы информатизации отечественного библиотечного дела отражены в проекте Национальной электронной библиотеки (НЭБ), предусмотренном «Основами государственной культурной политики», которые утверждены Президентом РФ 24 дек. 2014 г.

НЭБ должна представлять собой «единое российское электронное пространство знаний на основе оцифрованных книжных, архивных, музейных фондов». При реализации проекта НЭБ приоритетны техногенные цифровые технологии, которые преобразуют НЭБ в виртуальное книгохранилище, т.е. в *квазибиблиотеку*.

Сможет ли квазибиблиотека модернизировать библиотечную сеть России и пробудить в россиянах жажду чтения, я не знаю. Но позволю себе утверждать, что, во-первых, в настоящее время НЭБ – это библиотечная деталь в громадном мираже ИО, создаваемого в России в соответствии с долгосрочной Государственной программой (2011–2020); во-вторых, реализация проекта НЭБ имеет чрезвычайно важное значение для обеспечения

жизнеспособности библиотечного социального института в условиях квази-информационного общества, а также в условиях общества знаний, которое просматривается в недалеком будущем.

## **Общество знаний**

Идея информационного общества приобрела международное признание в 2000 г., когда на Окинаве лидеры Большой восьмерки, в том числе Президент РФ В. В. Путин, подписали Хартию глобального информационного общества, получившую название *Окинавская Хартия*. В Хартии декларировалось: «Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. Перед всеми нами открываются огромные возможности».

В декабре 2003 г. в Женеве состоялся Всемирный саммит по информационному обществу (более 10 тыс. участников), где были приняты «Декларация принципов» и «План действий», развивающие положения Окинавской хартии.

В ноябре 2005 г. Всемирный форум на высшем уровне продолжил работу в Тунисе, где собрались около 20 тыс. правительственных чиновников и специалистов. Были приняты «Тунисское обязательство» и «Тунисская программа для информационного общества», в которых содержались предложения по разрешению ключевых проблем реализации глобального ИО.

Государственные деятели не уделяют идее общества знаний пристального внимания, однако в философско-гуманитарных кругах она обсуждалась весьма интенсивно.

В 2005 г. был обнародован Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания»<sup>7</sup>, в составлении которого приняли участие ведущие философы и социальные теоретики современности: Ж. Деррида, М. Кастельс, Ю. Кристева, П. Рикёр, Ю. Хабермас и другие. В докладе рассмотрена перспектива перехода от информационного общества к обществу знания.

Авторы доклада отрицают «логику узкотехнологического детерминизма» и связывают свою концепцию не только с достижениями технологии, но и с «более широкими социальными, этическими и политическими параметрами». Они исходят из постулата, что информация – инструмент знания, но сама по себе знанием не является, поскольку информация – это

---

<sup>7</sup> К обществам знания : Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж : ЮНЕСКО, 2005. – 240 с.

товар, который покупается и продаётся на соответствующем рынке, а знание – общественное достояние, которое должно быть доступно для каждого.

ИКТ создают новые возможности для распространения знаний, но, предупреждают философы-гуманисты, нам предстоит пройти долгий путь от формирования глобального ИО к настоящим *обществам знания*.

Гуманистическая позиция авторов доклада проявляется в следующих принципах. Во-первых, общество знания мыслится как глобальное и сетевое, но не допускающее насаждаемую машинными технологиями унификацию образа жизни и мышления. Необходимо сохранить многообразие и многоязычие народных культур. Именно поэтому в докладе говорится не об одном, эталонном «обществе знания», а о многих «обществах знания», каждое из которых располагает собственными преимуществами.

Во-вторых, озабоченность духовным развитием личности: каждый человек должен свободно ориентироваться в потоке информации и отличать полезную информацию от бесполезной. Отсюда девиз: «Образование для всех на протяжении всей жизни».

В-третьих, ликвидация социального и международного неравенства в вопросах доступа к знаниям. Причём авторы отдают себе отчёт в том, что «большинство населения мира, прежде всего, испытывает нужду в книгах, школьных учебниках и острейшую нехватку преподавателей, а уж потом нуждается в компьютерах и доступе к интернету».

В-четвёртых, утверждение унаследованных от века Просвещения прав человека, включая свободу выражения мнения, свободу информации, право на бесплатное базовое образование, право свободно участвовать в культурной жизни общества и в научном прогрессе.

В-пятых, авторы убеждены, что знание нельзя превращать в товар, поэтому чрезмерная коммерциализация доступа к знаниям рассматривается ими как серьёзная угроза для человечества.

Эти гуманистические принципы хорошо согласуются с культурно-просветительной миссией, традиционно выполняемой библиотечной системой.

Значение доклада заключается не только в том, что он привлёк внимание мирового сообщества к негативным последствиям коммерческой информатизации и стимулировал дискуссию вокруг сути «общества знаний»<sup>8</sup>.

---

<sup>8</sup> См., напр.: Ефременко Д. В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 49–61; Опенков М. Ю. Хакни будущее: введение в философию общества знаний : Курс лекций для филос. факультетов. – М. : МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. – 128 с.; Плотинский Ю. М. Проблемы развития общества знаний: социокогнитивный подход // Информ. о-во. – 2008. – № 5–6. – С. 43–50.

Более важным, чем схоластические споры, представляются гуманистический пафос доклада, стремление преодолеть технократическую односторонность, которой страдает большинство публикаций об информационном обществе.

С точки зрения библиофутурологии, мираж общества знания является наиболее привлекательной перспективой, предусматривающей использование гуманистического культурного наследия человечества и разумное сочетание традиционных книжных коммуникаций с цифровыми информационными сетями.

### **Конвергентные технологии и трансгуманистическая эволюция**

Пожалуй, наиболее экзотичным, говоря языком синергетики, «странным аттрактором» выглядит мираж конвергенции, скрещивания нано-, био-, информационных и когнитивных (НБИК) технологий. Как осуществляется конвергенция? Нанотехнология обеспечивает создание материала любого типа и любого применения. Присоединяя биотехнологии, можно получить гибридную биоорганическую конструкцию.

Информационные технологии служат для того, чтобы превратить биоорганическую конструкцию в интеллектуальную систему, а задача когнитивных технологий – вооружить интеллектуальную систему алгоритмами мышления, подобными естественным алгоритмам или превосходящими их.

Конвергенция понимается не как комплексирование известных технологий, а как взаимопроникновение знаний и методов, полученных в области изучения физической субстанции, живой природы и человеческой духовности. Здесь речь идёт об основах мироздания и о сущности человечности.

Актуальность конвергентных технологий обусловлена не столько бескорыстной жадностью знания, сколько экологическими, антропологическими, экономическими, геополитическими, духовными кризисами техногенной цивилизации. Все эти кризисы имеют отношение к будущему книжности, следовательно, библиофутурология не может игнорировать мираж НБИК-технологий и вытекающие из него следствия.

Одно из таких следствий – идея *трансгуманизма*. Трансгуманисты утверждают, что современный человек является не вершиной, а скорее – началом эволюции рода человеческого. Они рассчитывают с помощью конвергентных технологий выйти за считающиеся сейчас естественными человеческие кондиции, вплоть до искусственного выращивания бессмертного «постчеловека». Познакомимся с «постчеловеческими» миражами.

В 2012 г. заявило о себе Стратегическое общественное движение «Россия 2045», организованное миллиардером Дмитрием Ицковым (род. 1981 г.).



В Движении принимают участие российские учёные, авторитетные в области философии, синергетики, искусственного интеллекта, нейрофизиологии, биологии и психологии: В. С. Стёпин, В. И. Аршинов, Д. И. Дубровский, В. Е. Лепский, В. Ф. Петренко, А. П. Назаретян, С. Ф. Сергеев, В. Л. Дунин-Барковский и другие.

Футурологические сценарии техногенной цивилизации представлены в сборнике статей, подготовленных участниками Движения: Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д. И. Дубровского. – М., 2013. – 272 с.

Участники движения не только пишут книги и статьи, но и непосредственно конструируют обитателей грядущей России. Так, на международном конгрессе, состоявшемся в июне 2013 г. в Нью-Йорке, были продемонстрированы некоторые результаты технического проекта «Аватар», который ставит задачи:

1. Конструирование антропоморфных роботов-аватаров (искусственных тел);
2. Создание систем дистанционного управления аватарами с эффектом присутствия;
3. Разработка интерфейсов «мозг–компьютер» для мысленного управления аватаром.

В проекте предусмотрены четыре этапа:

Этап А (2015–2020 гг.) – будут созданы искусственные органы человеческого тела и органы чувств, новые человеко-компьютерные языки для взаимодействия людей и машин, а также дистанционно управляемое искусственное тело.

Этап Б (2020–2025 гг.) – в искусственное тело можно будет пересаживать мозг. По мнению некоторых учёных, мозг способен жить намного дольше, чем тело, – до двухсот-трёхсот лет. Соответственно, человек с синтетическим организмом сможет прожить столько же.

Этап В (2030–2035 гг.) – будет разработана методика по переносу нематериальной структуры человеческого сознания в искусственное тело.

Этап Г (2040–2045 гг.) – появится некое виртуальное тело-голограмма.

Участники проекта считают, что даже «недоделанные» аватары будут очень полезны человечеству. Их можно использовать для реабилитации инвалидов, замещения людей на вредном производстве, освоения космоса, а также для туризма «с технологией телеприсутствия»<sup>9</sup>.

Движение «Россия 2045» не является экзотическим исключением в

---

<sup>9</sup> Сможет ли миллиардер Ицков сделать людей бессмертными к 2025 году // Рос. газета, 2013. – 27 июня.

мировой футурологии. Широкое распространение получили прогнозы Рея Курцвейла – технического директора компании Google. Рей Курцвейл – не мечтатель-фантаст, а активный исследователь в области искусственного интеллекта с заслуженной репутацией самого авторитетного технологического футуролога. Если собрать все прогнозы, сделанные им в течение последних 20 лет в книгах, лекциях, интервью, получим следующую последовательность событий (<http://slon.ru/insights/1213655>. Дата доступа 11.04.15):

2020 г. – персональные компьютеры будут обладать вычислительной мощностью человеческого мозга, а беспроводной доступ в интернет покроет 85% поверхности Земли;

2022 г. – в США и Европе будут приняты законы, регулирующие отношения людей и роботов. Деятельность роботов, их права и обязанности будут нормализованы;

2025 г. – появится массовый рынок гаджетов-имплантантов;

2027 г. – персональный робот, способный выполнять полностью автономные сложные действия, станет столь же привычным, как холодильник или кофеварка;

2031 г. – 3D-принтеры для распечатки человеческих органов будут использоваться в больницах любого уровня; нанороботы начнут доставлять питание к клеткам человека и удалять отходы;

2033 г. – самоуправляемые автомобили заполнят дороги;

2036 г. – с помощью биотехнологий человечеству удастся перепрограммировать клетки на лечение болезней, а использование 3D-принтеров позволит повсеместно выращивать новые ткани и органы;

2037 г. – гигантский прорыв в понимании тайны человеческого мозга. Некоторые из алгоритмов мозга будут расшифрованы и включены в нейронные сети компьютеров;

2038 г. – появление роботизированных людей, продуктов трансгуманистических технологий; они будут оснащены дополнительным интеллектом, ориентированным на определённую узкую область знания, и разнообразными опциями-имплантантами – от глаз-камер до дополнительных рук-протезов;

2039 г. – наномашинки будут встраиваться прямо в мозг и осуществлять произвольный ввод и вывод сигналов из клеток мозга. Это приведёт к виртуальной реальности «полного погружения», которая не потребует какого-либо дополнительного оборудования;

2040 г. – поисковые машины будут управляться не только речью, но и мыслями благодаря гаджетам, внедрённым в человеческий организм; результаты поисковых запросов будут выдаваться на экраны очков или линз;

2042 г. – первая потенциальная реализация бессмертия благодаря ар-

мии нанороботов, которые будут дополнять иммунную систему и «вычищать» болезни;

2043 г. – человеческое тело сможет принимать любую форму, образуемую большим числом нанороботов. Внутренние органы будут заменяться кибернетическими устройствами гораздо лучшего качества;

2044 г. – небιологический интеллект станет в миллиарды раз выше биологического;

2045 г. – наступит технологическая сингулярность. Земля превратится в один гигантский компьютер.

Разумеется, в трансгуманистических сценариях как отечественных, так и зарубежных футурологов ничего не говорится о книге, чтении, библиотеке, проблемах познания, понимания, обучения. В самом деле, если имплантированный гаджет может сделать восьмилетнего мальчика (без всяких усилий с его стороны) умнее, чем вся современная Российская академия наук, то зачем в 2045 г. содержать школы и библиотеки и, тем более, заставлять детей учить наизусть таблицу умножения и «Песнь о вешем Олеге»?

Вопрос риторический, потому что в обществе бессмертных продуктов конвергентных технологий (НБИКС) вообще не может быть ни восьмилетних мальчиков, ни седовласых академиков. Получается, что всего через три десятилетия – в 2045 г. – род человеческий придёт к финалу, ибо проблемы рождаемости, воспитания и обучения новых поколений утратят актуальность, а литературная классика будет считаться «безумным суеверием». Такой прогноз – не мираж, а кошмарная антиутопия, с которой бессмысленно соглашаться, ещё глупее – опровергать её.

### **Посттехногенная гуманистическая цивилизация**

Антипод постчеловеческих футуриблей – это миражи гуманистического толка, первооткрывателями которых выступают В. И. Вернадский и П. Тейярд де Шарден в своих концепциях ноосферы. В наши дни проблематику ноосферологии разрабатывают А. Д. Урсул<sup>10</sup> и В. С. Стёпин<sup>11</sup>.

Остановимся на концепции посттехногенной цивилизации *Вячеслава Семёновича Стёпина* (род. 1934), одного из выдающихся современных философов, универсальная эрудиция которого распространяется на антропологию и философию, социально-гуманитарные и естественные науки, диалог

---

<sup>10</sup> Урсул А. Д. Путь в ноосферу (Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). – М. : Луч, 1993. – 275 с.; Он же. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. – М. : Ноосфера, 1998. – 500 с.

<sup>11</sup> Стёпин В. С. Цивилизация и культура. – СПб : СПбГУП, 2011. – 408 с.; Он же. Теоретическое знание. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

культур в глобализирующемся мире и типы цивилизаций. Поэтому его понимание перспектив развития человечества обладает панорамностью и достоверностью, свойственными мыслителям историософского склада.

В. С. Стёпин различает три типа цивилизаций: традиционные, техногенные и посттехногенные. Традиционные цивилизации – это Древняя Индия и Китай, Древний Египет, а также некоторые государства современного третьего мира. Техногенные цивилизации начали формироваться в XV–XVII вв. в европейском регионе. Посттехногенная цивилизация мыслится как перспектива развития человечества.

Техногенная цивилизация, которая существует чуть более 300 лет, очень динамична и агрессивна. Сталкиваясь с традиционными обществами, она подавляет и буквально поглощает их вместе со свойственными им культурными традициями. Научно-технический прогресс и экономический рост привели к новому качеству жизни в модернизированных странах, обеспечили постоянно повышающийся уровень потребления и медицинского обслуживания, увеличили среднюю продолжительность жизни. Но В. С. Стёпин далёк от безоблачной эйфории. Не без грусти он замечает: ещё во времена «холодной войны» мало кто полагал, что именно техногенная цивилизация приведёт человечество к глобальным кризисам, когда оно окажется буквально на пороге самоуничтожения.

Философ-гуманист В. С. Стёпин отмечает, что до двадцатого столетия человечество считало себя *бессмертным*. Из-за войн и конфликтов исчезали государства, гибли народы и культуры, но человечество продолжало свою историю. Теперь же возникла парадоксальная ситуация: наращивая технологическую мощь, человечество становится заложником адских орудий массовой уничтожения, которые оно само изобретает. Другой, не менее важной, проблемой является нарастающий экологический кризис.

Наконец, биологическому роду *homo sapiens* угрожает антропологический кризис, выражающийся в патологических изменениях генофонда человечества вследствие искусственного ослабления факторов естественного отбора. Возможности генетического изменения человека, предлагаемые наукой, сопряжены с опасными перспективами манипулирования его психикой. Техногенная цивилизация открывает новые зоны риска, и нет никаких оснований считать, что будут только благоприятные последствия.

В. С. Стёпин видит выход из кризисов, порождённых техногенной цивилизацией, в переходе к *новому типу цивилизационного развития* – третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

Новый тип цивилизационного развития, по мнению академика Стёпина, – это не отказ от научно-технического прогресса, а придание ему *гуманистического измерения*, что, в свою очередь, ставит проблему нового типа

научной рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности. Новую рациональность, свойственную посттехногенной цивилизации, В. С. Стёпин именует *постнеклассической*.

Смысл гуманистического миража, нарисованного философом-гуманистом, видится в уверенности в том, что жестокую техногенную цивилизацию, толкающую человечество к катастрофе, сменит посттехногенная гуманистическая цивилизация, способная найти выход из глобального кризиса. Хочется поверить маститому академику, потому что его видение эволюции человечества не только оптимистично, но и опирается на идеологию ноосферы, почти век разрабатываемую отечественными мыслителями.

Принимая футурологическую концепцию В. С. Стёпина, не могу не сделать одно дополнение.

Вячеслав Семёнович, говоря о приоритете гуманистических ценностей в посттехногенной цивилизации, не рассматривает механизм естественной культурно-коммуникационной системы, обеспечивающей трансляцию в социальном пространстве, сохранение в историческом времени и актуальное общественное использование гуманистического достояния цивилизованных наций. Вполне очевидно, что незаменимое ядро этой системы – институт народного образования и библиотечно-библиографический социальный институт. Этот факт имеет важное значение для определения проблематики библиофутурологии, но В. С. Стёпин, к сожалению, не включил библиофутурологию в обширный круг своих научных интересов.

## **Заключение.**

### **Мираж библиофутурологии**

Библиофутурология – миражная футурологическая дисциплина, которая отсутствует в циклах библиотековедческих, библиографоведческих, книговедческих научных дисциплин. Вместе с тем только библиофутурология может провести анализ существующих футурологических концепций, чтобы более-менее обоснованно определить потребность в библиотеках, библиографии, книжной коммуникации в будущей России.

С 1 сент. 2013 г., согласно Федеральному закону № 185-ФЗ от 02.07.2013, *библиотека* в нашей стране понимается как «информационная, культурная, просветительская организация или структурное подразделение организации, располагающие организованным фондом документов и предоставляющие их во временное пользование физическим и юридическим лицам». Это дезориентирующее, архаичное определение библиотеки. Допустим, что в наши дни подобные библиотечные организации существуют, а если заглянуть в будущее общество?

В информационном обществе библиотеки, разумеется, будут выпол-

нять информационную функцию, но для этого им не требуется «располагать организованным фондом документов», а достаточно иметь доступ к удалённым информационным центрам с электронной доставкой документов. В свете федерального законодательства, НЭБ нельзя считать библиотекой, потому что она не имеет документных фондов и не может предоставлять документы во временное пользование физическим или юридическим лицам.

Обществу знаний узаконенные сейчас библиотеки не требуются, так как они не удовлетворяют приоритетные для общества этого типа образовательные потребности, ограничиваясь выполнением информационных и культурно-просветительных функций. О постчеловеческом обществе 2045 года нечего и говорить. Приведённый пример не единичен.

Отсутствие библиофутурологических сценариев способствует распространению пессимистических футуриблей отечественных и зарубежных футурологов, утверждающих, что в XXI в. старомодная книжность никому не нужна. Это суждение повторяют широкие слои населения, научная общественность и управляющие культурой чиновники.

Смертный приговор библиотекам и библиотечной профессии – ужасная ошибка, усугубляющая кризисы техногенной цивилизации и ставящая под вопрос гуманизацию российского общества. Кто может доказательно и убедительно объяснить необходимость Книги и Библиотеки в XXI веке? Если библиофутурология не даст такого объяснения, его не даст никто.

Демистификация библиофутурологического миража – насущная задача библиотечно-библиографической науки и практики. Это главная мысль моей лекции.

---

*Arkady Sokolov – Dr. Sc. (Pedagogy); Prof., St. Petersburg State University of Culture and Arts; Honored Worker of Science and Arts;  
sokolov1@front.ru  
15, Fuchika str., St. Petersburg, 192238, Russia*